

СООТНОШЕНИЕ ФОРМАЛЬНОСТИ, НЕФОРМАЛЬНОСТИ, ВЕЖЛИВОСТИ, НЕВЕЖЛИВОСТИ И ГРУБОСТИ С ПОЗИЦИИ ПРАГМАТИКИ И ДИСКУРС-АНАЛИЗА¹

Correlation of Formality, Informality, Politeness, Impoliteness
and Rudeness: Discourse-Pragmatic Perspective²

Татьяна Викторовна Ларина

larina-tv@rudn.ru

Российский университет дружбы народов (РУДН) (Москва, Россия)

Tatiana Larina

larina-tv@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) (Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 27.05.2020

Fecha de evaluación: 16.12.2020

Cuadernos de Rusística Española n° 16 (2020), 99 - 114

РЕЗЮМЕ

Теория вежливости и невежливости является в настоящее время одним из актуальных междисциплинарных направлений исследований, развивающихся на стыке лингвопрагматики, социолингвистики, психолингвистики, дискурс-анализа, когнитивной лингвистики и теории коммуникации. Междисциплинарный подход к изучению категорий вежливости и невежливости позволил по-новому посмотреть на их функционирование и роль в коммуникации, а также проследить их связь со смежными явлениями. Цель статьи — уточнить соотношение вежливости, невежливости, формальности, неформальности и грубости, рассматриваемых в дискурсивно-прагматическом ракурсе, охарактеризовать типы не/вежливости и их функции. Показана необходимость рассматривать вежливость и невежливость на прагматическом уровне с учетом контекста и восприятия высказывания адресатом. С использованием иллюстративных примеров из русского, английского и испанского языков обосновывается необходимость различать вежливость и формальность, невежливость и грубость, поскольку между ними нет полного соответствия.

Ключевые слова: вежливость, невежливость, формальность, неформальность, грубость, инвектива.

ABSTRACT

The theory of politeness and impoliteness is currently one of the relevant interdisciplinary areas of research developing at the intersection of pragmatics, sociolinguistics, psycholinguistics, discourse analysis, cognitive linguistics and communication theory. An interdisciplinary approach to the study of im/politeness makes it possible to take a fresh look at its functioning and role in communication as well as to highlight their correlation with adjacent categories. The aim of the article is to clarify the relationship between politeness, impoliteness, formality, informality and rudeness, in perspective of discourse-pragmatics, to characterize the

1. Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

2. The publication has been prepared with the support of the RUDN University Program 5-100.

types of im/politeness and their functions. Illustrating with examples from Russian, English and Spanish the paper shows the need to distinguish between politeness and impoliteness at the semantic and pragmatic levels, taking into account the context and perception of the utterance by the addressee. The necessity of distinguishing between politeness and formality, impoliteness and rudeness is substantiated.

Keywords: politeness, impoliteness, formality, informality, rudeness, invective.

ВВЕДЕНИЕ

Перенос исследовательской парадигмы с описания системы языка на изучение его функционирования можно назвать среди основных причин возросшего интереса исследователей к дискурсу в целом и к коммуникативным категориям в частности. Одной из важнейших среди них по праву считается категория вежливости, справедливо называемая регулятором коммуникативного поведения (Земская 1997, Ларина 2009). Рассматриваемая долгое время в связи с вопросами этикета, речевой этики и культуры речи, вежливость выделилась в самостоятельный объект междисциплинарных исследований, для которых характерно разнообразие взаимообогащающих теорий, методов и подходов (Locher, Larina 2019). Они активно проводятся в рамках социолингвистики, лингвопрагматики, дискурс-анализа, психолингвистики, когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации.

Дискурсивно-прагматический подход к рассмотрению категории вежливости (Eelen 2002, Mills 2003, Watts 2000 и др.) показал, что вежливость — гораздо более сложное явление, чем это представлялось ранее, и она не может быть ограничена лишь описанием стратегий и максим. Вместе с тем вежливость не следует смешивать с формальностью. В дискурсивных исследованиях формальность рассматривается как важнейший параметр классификации дискурса (см. например, Кибрик 2009, Ларина 2009). А. А. Кибрик называет формальность одним из четырех основных таксономических параметров дискурса наряду с модусом, жанром и функциональным стилем (Кибрик 2009), отмечая при этом, что различие по формальности не совпадает с различием по функциональному стилю, так как, например, возможно формальное общение в бытовом функциональном стиле и неформальное общение в научном функциональном стиле (Кибрик 2009: 12).

Поскольку формальность носит градуальный характер и ее степень определяется как социальным контекстом, так и культурным, она исследуется также как одна из доминантных черт этнокультурного стиля коммуникации, правомерность выделения которого была обоснована в ряде публикаций (Ларина 2004, 2007, 2009, Larina 2013, 2015 и др.). В этом случае формальность выступает как характеристика национального дискурса, которая, как показывают последние исследования, варьирует не только в разных языках, но и в вариантах одного и того же языка (Юрьева 2020).

В данном исследовании мы исходим из следующих положений: не/формальность является стилистической характеристикой дискурса, она носит социальный характер и ее степень определяется характером социальных отношений между коммуникантами, т. е. параметрами социокультурного контекста, а именно – горизонтальной дистанцией, где она соотносится с понятием «свой-чужой» (Ларина 2009: 44), и вертикальной, где она варьирует в зависимости от статуса собеседника, который может быть выше, ниже или таким же, как у адресата. Таким образом, не/формальность мы рассматриваем

как социально-прагматический дейксис, индексирующий степень социальной дистанции между говорящим и его адресатом и характер их взаимоотношений в конкретном социокультурном контексте. Степень формальности зависит также от коммуникативных ценностей той или иной группы, которые наряду с контекстом предопределяют выбор стратегий вежливости.

Считаем важным отметить, что вежливость как категорию дискурса следует рассматривать (1) не только с точки зрения формы высказывания, но и с точки зрения его прагматического значения, (2) не только с позиции говорящего, но также и с позиции адресата, т. е. с учетом его восприятия высказывания в конкретном коммуникативном и социокультурном контексте. Данный подход продемонстрировал, что вежливость — категория не абсолютная, а относительная, не универсальная, а культурно-специфическая. Будучи универсальной по своей сути, она по-разному понимается и реализуется в различных языках и культурах (см., например, Bargiela-Chiappini & Kádár 2011, Haugh 2007, Sifianou 1991, Watts 2000, Алпатов 2011, Жельвис 2014, Ларина 2009, Патмайр 2003 и др.)³, что существенным образом отражается на стилях коммуникации (Larina 2013, 2015). В зависимости от социокультурной организации общества и доминирующих коммуникативных ценностей вежливость может быть в большей степени ориентирована либо на соблюдение дистанции и уважение личного пространства собеседника, как, например, в англосаксонских культурах, либо на проявление близости и солидарности, что мы наблюдаем, в частности, в славянских и средиземноморских культурах. В основе вежливости может быть как уважение к возрасту и статусу, так и наоборот — демонстрация равенства (Ларина 2018: 134). В целом исследователи сходятся во мнении о том, что вежливость нацелена на гармоничное эффективное общение и выступает организатором коммуникативного взаимодействия, при этом степень вежливости определяется не говорящим, а его адресатом.

Дискурсивно-прагматический подход к анализу использования языка подтолкнул исследователей к выделению также невежливости и грубости в отдельный объект научного исследования (см., например, Alba-Juez 2007, Bousfield 2008, Bousfield & Locher 2008, Culpeper 2011, Жельвис 2001, Ларина и др. 2015, Харлова 2014). Интерес к невежливой и грубой речи можно объяснить рядом факторов: (1) широким взглядом на реальную коммуникацию, где нормы не только соблюдаются, но и нарушаются; (2) эмоциональным поворотом в лингвистике, позволяющим рассматривать язык в его целостности и понимать изменчивость норм и широту распространения языковых явлений (Alba-Juez, Larina 2018: 21); (3) стилистическими сдвигами в сторону неформальности и огрубления речи, являющимися результатом демократизации (Крысин 2004: 262-263, Ларина 2006), а также (4) наблюдаемым в последнее время ростом агрессивности и конфликтогенности в обществе.

Рассмотрение вежливости и невежливости с применением дискурсивно-прагматического анализа показывает, что по своей природе речевой акт не может классифицироваться как вежливый или невежливый. Данные характеристики

3. Отметим, что понимание и реализация вежливости варьируется не только в этнических культурах, но и в культурах различных социальных групп.

приобретаются в контексте, что подтверждают слова Дж. Калпепера, который определяет невежливость как негативное отношение к конкретному поведению, имеющему место в определенных контекстах (Culpeper 2011: 23). Являясь относительно новым объектом исследования, невежливость еще не получила всестороннего описания и однозначного определения.

В этой статье мы не претендуем на всесторонний анализ данных категорий и существующих подходов к их изучению. Наша цель – уточнить соотношение категорий *вежливость*, *невежливость*, *формальность*, *неформальность* и *грубость*, рассматриваемых в дискурсивно-прагматической парадигме в кросс-культурном аспекте. Приводимые в статье аргументы иллюстрируются примерами из русской, английской и испанской разговорной речи.

ВЕЖЛИВОСТЬ И НЕВЕЖЛИВОСТЬ

Несмотря на наличие отрицательных приставок в слове «невежливость» во многих языках – в русском (**не**вежливость), английском (**im**politeness), французском (**im**politesse), испанском (**des**cortesia), немецком (**Un**höflichkeit) и других, отношения между вежливостью и невежливостью не являются однозначно антонимичными. Они более сложные и не всегда взаимоисключающие. Между данными категориями много общего, что побуждает исследователей рассматривать их не в рамках антонимической оппозиции, а в виде прагматического континуума (Kaul de Marlangeon & Alba-Juez 2012).

Как вежливость, так и невежливость, связаны с понятием лица, или социального имиджа участников коммуникативного взаимодействия. Однако их целевая установка различна: вежливость нацелена на сохранение лица и способствует конструктивному взаимодействию, невежливость — на нанесение урона лицу собеседника (как преднамеренное, так и непреднамеренное) и/или своему собственному, что может привести к конфликту и даже разрыву отношений. Здесь можно также провести параллель с выделяемыми П. Браун и С. Левинсоном (Brown & Levinson 1987) *негативной* (*negative politeness*) и *позитивной* (*positive politeness*) *вежливостью*, что делает Дж. Калпепер (Culpeper 2011), который выделяет *negative impoliteness* (негативную невежливость) и *positive impoliteness* (позитивную невежливость). Однако, если термины «позитивная вежливость» и «негативная вежливость» далеко не идеальны, из-за чего в русскоязычном варианте мы давно предлагаем вместо них термины *вежливость дистанцирования* и *вежливость сближения* (Ларина 2009), то термины *negative impoliteness* (негативная невежливость) и *positive impoliteness* (позитивная невежливость), вызывают еще больше вопросов, так как содержащиеся в них оценочные компоненты затрудняют их понимание (Ларина 2018: 138). В первом случае речь идет о невежливости, связанной с нарушением дистанции (непрощеный совет, личный вопрос), во втором — о невежливости как игнорировании собеседника (например, прошел мимо и не поздоровался).

Дж. Лич, проводя аналогию между данными категориями, показывает, как теория вежливости может быть применена к теории невежливости. В своих последних работах (Leech 2007, 2014) он переосмысливает сформулированные ранее максимы

вежливости (Leech 1983) и представляет их в виде общей стратегии вежливости (General Strategy of Politeness) (Leech 2014: 91). Взяв ее за основу, он предлагает и общую стратегию невежливости (General Strategy of Impoliteness) (Leech 2014: 221). В обобщенном виде их можно представить следующим образом: если нацеленная на гармонию вежливость — это учет интересов собеседника: его желаний, чувств, мнений, то невежливость — это, напротив, игнорирование или занижение интересов, желаний, чувств и мнений собеседника, что приводит к дисгармонии во взаимодействии. Другими словами, невежливость — это занижение адресатом социального статуса собеседника, что соотносится с идеей исследователей о том, что невежливость, как и вежливость, имеет прямое отношение к понятию «власть» (power) (Culpeper 2011:188, Leech 2014, Locher 2004).

Приведенные выше стратегии не/вежливости носят самый общий характер и не лишены этнокультурной вариативности. Так, например, игнорирование желаний собеседника в ориентированных на независимость и индивидуальность англосаксонских культурах, невежливо в большей степени, чем, например, в русской, где допускается прямолинейность и даже настойчивость: в приглашениях, предложениях и других речевых актах (подробно см. Ларина 2009).

Параллелизм между вежливостью и невежливостью можно экстраполировать и на наши дефиниции данных категорий. Если *вежливость* в общем виде мы определяли как «универсальную коммуникативную категорию, представляющую собой этнокультурную систему стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера» (Ларина 2009: 169), то *невежливость* соответственно можно определить как универсальную коммуникативную категорию, представляющую собой этнокультурную систему коммуникативных стратегий и тактик, нарушающих гармоничное, бесконфликтное общение и не соответствующих ожиданиям партнера.

Невежливость может проявляться как в действиях, так и в бездействии, т. е. в несовершении вежливых актов там, где они ожидаются (не поблагодарил, не извинился). С точки зрения намерений участников коммуникации она может быть *преднамеренной*, или *умышленной*, и *непреднамеренной*, или *неумышленной*. Особенно часто непреднамеренная невежливость встречается в межкультурной коммуникации, где инокультурные собеседники совершают невежливые акты неосознанно, в результате переноса своих стереотипов поведения на иной культурный контекст.

Обе категории — вежливость и невежливость, как уже отмечалось, являются прагматическими категориями. Важную роль в характеристике высказывания с позиций вежливости и невежливости играет его интерпретация и оценка адресатом, дать которую можно только в контексте. Используя термины Дж. Лича (Leech 1983), можно говорить о том, что, как и вежливость, невежливость может быть *абсолютной* (absolute) и *относительной* (relevant). В своей последней монографии (Leech 2014) Дж. Лич заменил данные термины на *pragmalinguistic politeness* (прагмалингвистическая вежливость) и *sociopragmatic politeness* (социопрагматическая вежливость) соответственно. Однако поскольку в первом случае речь идет только о форме и семантике высказывания, а во втором — о его прагматике, нам представляются более предпочтительными термины *семантическая вежливость* и *прагматическая вежливость*. Семантическая вежливость определяется вне

контекста, т. е. исключительно по семантике и формальным признакам фразы, прагматическая вежливость определяется контекстом. Например, вне контекста на основе формальных признаков можно оценить фразу (2) как более вежливую, чем (1), но менее вежливую, чем (3):

- (1) *Закрой, пожалуйста, дверь.*
- (2) *Не мог бы ты закрыть дверь?*
- (3) *Не мог бы ты закрыть дверь, если это тебя не очень затруднит?*

Однако не исключены контексты, где императивная фраза *Закрой, пожалуйста, дверь* может быть вполне уместной и не нарушающей принципов вежливости, а фраза (3) звучать как чрезмерно вежливая, неуместная и восприниматься как замечание или сарказм (например, при обращении к другу с просьбой закрыть дверь). По этой причине, если рассматривать отдельно взятые фразы вне контекста, стоит говорить не о степени их не/вежливости, а о разной степени не/формальности.

ВЕЖЛИВОСТЬ VS НЕВЕЖЛИВОСТЬ, ФОРМАЛЬНОСТЬ VS НЕФОРМАЛЬНОСТЬ

Рассмотрение вежливости в дискурсивно-прагматическом аспекте обосновывает необходимость различать вежливость и формальность. Формальность соотносится с формальными характеристиками высказывания, в то время как вежливость — с его прагматическим значением. Степень формальности определяется его формой, степень вежливости высказывания определяется адресатом в конкретном социокультурном контексте. Не всегда вежливые по форме фразы являются таковыми в реальной коммуникации. Если степень вежливости (в нашем понимании — формальности) воспринимается как чрезмерная, она может оцениваться адресатом негативно (Locher 2004: 90, Culreper 2011: 101-103), поскольку сигнализирует о чрезмерной для данного контекста дистанции.

Нами уже высказывалось мнение о том, что поскольку абсолютная (семантическая) и относительная (прагматическая) вежливость имеют свою шкалу градации, можно говорить о разных уровнях вежливости: высоком, нейтральном и низком и, соответственно, о формальной, нейтральной и неформальной вежливости (Ларина 2009: 162-163)⁴. Точкой отсчета может служить средний уровень вежливости, характерный для нейтрального стиля речи (общение людей в повседневных ситуациях). Каждый уровень и тип вежливости обслуживают определенные языковые средства, которые говорящий выбирает в зависимости от конкретного ситуативного контекста и своих коммуникативных намерений. Если высказывание соответствует контексту и ожиданиям партнера, оно будет воспринято как вежливое независимо от степени

4. Уточним, что в культурах с высокой вертикальной дистанцией, ориентированных на строгое соблюдение иерархии, например, в японской, уровней вежливости, как и характеризующих их языковых средств, больше.

его не/формальности. Например, все три приветствия, различающиеся степенью формальности, сигнализирующей о разной дистанции, — *Здравствуйте, Мария Владимировна!* / *Здравствуй, Маша!* / *Привет, Маш!* — будут вежливыми, если первое употреблено в формальном контексте, второе — в нейтральном, а третье — в неформальном. При этом необходимо учитывать, что в кросс-культурном аспекте уровни вежливости могут не совпадать, т. е. возможна их асимметрия. Так, например, в связи с различиями в вертикальной дистанции обращение к преподавателю в русском контексте является более формальным по сравнению с английским, но менее формальным, чем в японском или корейском.

Как уже отмечалось, не/формальность как характеристика стиля коммуникации предопределяется социальными параметрами контекста и выступает в качестве социально-прагматического дейксиса, индексирующего степень социальной дистанции между говорящим и его адресатом. При этом можно говорить о *вертикальной формальности*, которая заключается в выборе языковых средств, сигнализирующих об уважении говорящим статуса адресата, и *горизонтальной формальности*, сигнализирующей об уважении его личного пространства. То же можно сказать и о неформальности. *Вертикальная неформальность* сигнализирует о социальном равенстве, *горизонтальная* — о социальной или социально-психологической близости. Важно отметить, что в кросс-культурном контексте степень горизонтальной и вертикальной формальности в одной и той же ситуации общения может не совпадать.

Невежливость также отличается градуальностью, т. е. высказывания могут различаться по степени невежливости. Например, (5) воспринимается более грубо, чем (4), но менее грубо, чем (6):

- (4) *Помолчи, пожалуйста.*
- (5) *Замолчи.*
- (6) *Заткнись.*

Однако здесь снова необходимо учитывать контекст. Как уже отмечалось, в зависимости от контекста высказывание, построенное по всем правилам вежливости, может восприниматься как невежливое, например (7), в то время как грубая фраза (8) может быть вполне вежливой в случае, если она является ситуативно релевантной и коммуникативные намерения говорящего воспринимаются адресатом как позитивные:

- (7) *Могу я попросить тебя впредь не оставлять на столе грязную посуду* (жена — мужу) (личное наблюдение).
- (8) *Ну, ты и выросла, кобыла* (дядя — племяннице с любовью) (личное наблюдение).

В примере (7) формально вежливая фраза содержит упрек и вряд ли будет воспринята ее получателем как вежливая. В примере (8) неформальное приветствие воспринимается адресатом позитивно как знак интимности, несмотря на наличие грубого обращения.

ВЕЖЛИВОСТЬ, НЕВЕЖЛИВОСТЬ И ГРУБОСТЬ

Если вежливость часто ассоциируют с формальностью, то невежливость — с грубостью. Однако и здесь связь между данными категориями далеко не всегда однозначная. В коммуникации грубое речевое поведение, в том числе использование табуированной лексики, в ряде контекстов не вступает в конфликт с вежливостью (см., например, Борисова 2018, Жельвис 2001, Крысин 2004, Alba-Juez 2007, Eggins & Slade 1997 и др.). В данной статье в центре нашего внимания именно такие случаи употребления грубых высказываний.

Поскольку разговорная речь нацелена не только на передачу информации, но и на выражение чувств и проявление эмоций, она, как известно, отличается эмоциональной насыщенностью (как интонационной, так и лексической), в ней широко используется эмоциональная лексика, в том числе и сниженного стиля (сленгизмы, жаргонизмы, инвективы). Разговорная речь характеризуется свободой в выражении чувств, минимумом заботы о форме выражения, нарушением норм, которые часто носят узуальный характер (см. Сиротинина 2003).

Исследователи констатируют тенденцию к огрублению русской речи, которое на лексическом уровне проявляется, в частности, в увеличении употребительности грубо-просторечных и жаргонных слов и выражений (*сука, сволочь, падло, гад, подонок, подлец* и т. п.) (Крысин 2004: 262). Важно отметить, что речь идет об их использовании преимущественно в экспрессивной, а не номинативной функции, то есть в неконфликтном общении. При этом отмечается уменьшение влияния гендерных различий между говорящими на использование подобной лексики и снижение социальных ограничений (Крысин 2004: 263).

Анализ словарных дефиниций слов *грубость* и *грубый* показал наличие в них таких семантических компонентов, как ненормативность, неуважение и негативное отрицательное воздействие на адресата: *грубость* — «поведение, высказывание или невербальное сообщение, не соответствующее нормам человеческого общения» (СРЯ⁵), более узко — «обидные и грубые слова»; *грубый* — «отличающийся отсутствием необходимого такта; резкий»; «выражающий неуважение, пренебрежение к кому-л., задевающий кого-л. своей резкостью, неучтивостью» (ССРЯ); «недостаточно культурный, неделикатный, нечуткий, нетонкий» (РСС)⁶ Однако функционально-прагматический анализ грубой инвективной (бранной) лексики свидетельствует о том, что далеко не всегда грубые лексемы воспринимаются как неуважение и оказывают отрицательное эмоциональное воздействие на адресата. В речи они могут служить не только средством эмоциональной агрессии, оскорбления, понижения социального статуса адресата, но и иметь иную функцию — выступать как средство контакта

5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Азбуковник, 1998.

6. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Азбуковник, 1998.

между равными, средство установления корпоративного духа общающихся, как знаки внутригрупповой принадлежности или эмоциональные интенсификаторы (см., например, Жельвис 2001, Ларина 2009: 384-392 и др.).

В определенных контекстах отрицательная семантика инвективных слов может нейтрализоваться либо преобразоваться в положительную, о чем свидетельствуют комментарии, которые можно встретить в текстах (9), или реакция адресата, наблюдаемая в непосредственной коммуникации (10-13):

- (9) И какой-то там вертухай бежал и орал: «Эй, ты, сволочь. Что же ты приказа не знаешь? Снять надо, дурак!» Простите, пожалуйста, у них «сволочь» было в данном случае в их устах довольно ласковое выражение. Ничего плохого не было. (В.М. Василенко, НКРЯ)⁷
- (10) Привет, сволочь, где пропал? (мужчина среднего возраста, дружеское приветствие) (личное наблюдение)
- (11) Привет, уроды / пидоры (дружеское приветствие друзей в чате).
- (12) (из разговора молодых коллег на работе)
– Ой, вы тут мерзли, а я так хорошо отдохнула в Испании!
– Ну, ты и сучечка. (реакция на хвастовство, выражающая одобрение и восхищение)
- (13) (из разговора подруг)
– Представляешь, вчера потеряла кошелек.
– Ну, ты и лошара. (выражение сочувствия)

Как видим, в примерах (9–13) инвективные лексемы используются не с целью оскорбления, а выступают в эмоционально-экспрессивной функции и являются маркерами внутригрупповой принадлежности. Как показали проведенные опросы студентов, в качестве эмоциональных дружеских обращений в молодежной среде широко употребляются инвективы *тварь*, *урод*, *пидор*, *сволочь*, *ведьма*, *сучка* и т. п.

Позволим себе позаимствовать интересный пример из (Жельвис 2001), где инвектива «скотина» также не несет негативной оценки, о чем свидетельствует комментарий говорящего:

- (14)
– Как лихо отплясывает Пальма, – сказал Вант.
– Скотина....
– Зачем так грубо?
– А я люблю его.
– Действительно?
– Действительно. А может завидую. Но очень добро. Без зла (Ю. Семенов)

В. И. Жельвис называет подобное употребление инвективы «панибратской добродушной грубостью» (Жельвис 2001: 96). При этом отмечает, что должно

7. Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru>

соблюдаться одно обязательное условие: «говорящий ожидает, что слушающий не обидится на инвективу, и, в свою очередь, имеет право ответить подобным же образом» (Жельвис 2001: 111). Другими словами, между собеседниками должна быть высокая степень интимности, гарантирующая адекватную интерпретацию прагматического значения инвективного обращения.

Таким образом, слова с инвективной семантикой используются в дружеском общении в качестве эмоциональных экспрессивов и являются маркером близости. Это так называемые «вежливые ругательства» (термин В. И. Жельвиса), которые на прагматическом уровне не вступают в конфликт с вежливостью и вызывают позитивную реакцию адресата. Значительную роль в их оценке играют невербальные и паравербальные средства коммуникации: улыбка, выражение лица, объятия, дружеский тон и пр.

Данная коммуникативная особенность не является исключительно русской. Как показали результаты проведенных ранее исследований (см., например, Ларина 2009: 384-392, Ларина, Озюменко, Горностаева 2012, Ларина, Харлова 2015 и др.), в англо-американской коммуникативной культуре, употребление табуированной лексики в кругу образованных людей — довольно распространенное явление и сфера ее допустимого функционирования еще шире, чем в русской. Они могут употребляться в адрес коллег, членов семьи и даже детей:

(15) *How's life, you little bastard. What the bloody hell are you doing here?*

(дружеское приветствие коллеги)

(16) *Nice suit. You look fucking beautiful.* (комплимент женщине-коллеге)

В нашем материале есть примеры использования подобной лексики при обращении родителей к детям, что считается недопустимым в русской

(17) *Come here you, little bollocks* (мать своему трехлетнему сыну с любовью)

По нашим наблюдениям, в английском языке так называемые ‘swear words’ еще в большей степени, чем в русском, утратили свою инвективную семантику и в коммуникации выполняют эмоционально-экспрессивную функцию. Подтверждение находим и в научной литературе, где отмечается, что бранные слова (*bloody / shitty / fucking* и т. п.) часто выступают в функции оценки, а также установления интимности и вовлеченности (‘involvement’, ‘intimacy’, ‘affiliation’) (Eggins & Slade:1997: 144), то есть они могут быть средством выражения позитивной вежливости, или вежливости сближения.

Испанский язык также дает нам интересные примеры употребления инвективной лексики в данной функции. В молодежной среде, как показал наш опрос российских студентов, проходивших практику в Испании, можно часто услышать табуированные инвективы *puta, picha, coño, cojones, cabrón*, в том числе в качестве дружеских обращений:

(18) *¡Hola, cabrón!* (дружеское приветствие)

В своих комментариях русская девушка отметила, что в первое время ее обижали грубые приветствия испанских однокурсников, в которых занижались ее

качества (19), пока она не получила разъяснение, что таким образом выражается близость, доверие и даже нежность (“*una muestra de confianza y cariño*”).

(19) *Oye, fea* (Букв.: Привет, некрасивая)

Для выражения восхищения возможны еще более сильные выражения с употреблением табуированной лексики:

(20) *Ah! Qué hija puta eres!* (Букв.: Ну ты и шлюха!) (выражение восхищения видом подруги, собравшейся на дискотеку)

(21) *Que zorra/zorrita eres!* (Аналогично русскому *Ну, ты и сучка/сучечка*) (выражение восхищения)

(22) *Qué pasa, picha?* (Букв.: Как дела, п...а?) (приветствие подруги)

(23) *Picha, anda, cuanto tiempo?*” (П...а, как давно мы не виделись!)

По данным наших информантов, взрослые дети (30–40 лет) могут адресовать приветствие (23) не только подруге, но и своей матери при наличии очень близких отношений и с юмористической тональностью.

Интересный пример, также необычный для русского восприятия, находим в (Kaul de Marlangeon & Alba-Juez 2012):

(24) “*¡Viva México, cabrones!*” (Букв.: Да здравствует Мексика, ублюдки!)

(25) “*¡Viva Chile, mierda!*” (Букв.: Да здравствует Чили, говно!)

Как отмечают авторы, коммуникативное намерение данных высказываний не в том, чтобы оскорбить кого-либо, а в том, чтобы выразить чувство патриотизма, которое передается прямым эмоциональным восклицанием (Kaul de Marlangeon & Alba-Juez 2012: 78).

Приведенные языковые факты говорят в пользу того, что неформальность и грубость — это не всегда невежливость, поскольку вежливость также может быть неформальной и даже грубой. В англоязычной литературе, где рассмотренные функциональные особенности инвективной лексики широко обсуждаются, для их наименования используется ряд терминов: *banter*; *mock impoliteness* ‘подшучивание’ или ‘шутливая невежливость’ (Leech 1983: 238-241), *ironic rudeness* ‘ироническая грубость’ (Kasper 1990), *cooperative rudeness* ‘кооперативная грубость’ (Kienpointner 1997). Поскольку подобные формально невежливые акты совершаются для достижения вежливой цели, считаем возможным использовать термин *грубая вежливость* или *неформальная вежливость*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье рассмотрены неоднозначные взаимоотношения между формальностью, неформальностью, вежливостью, невежливостью и грубостью. Отмечено, что не/формальность является важной стилистической характеристикой

дискурса, которую можно рассматривать в качестве социально-прагматического дейксиса, индексирующего степень социальной дистанции между говорящим и его адресатом и характер их взаимоотношений в конкретном ситуативном и социокультурном контексте. Формальность не должна ассоциироваться исключительно с вежливостью, а неформальность и грубость — с невежливостью. Наши наблюдения подтверждают мнение исследователей о том, что в реальной коммуникации имеют место формально вежливые акты, совершаемые с негативной целью, и формально невежливые акты, совершаемые с позитивной целью (Kaul de Marlangeon & Alba-Juez 2012). То есть в первом случае имеет место нарушение принципов вежливости, во втором — нет.

В статье было показано, что вежливость может быть как формальной, так и неформальной и даже грубой. Она носит градуальный характер и определить степень вежливости, как и невежливости, высказывания можно только в дискурсе с учетом его ситуативных, психологических, социальных и культурных характеристик, а также с учетом того, как оно было воспринято адресатом. Анализируя высказывание вне контекста, можно определить степень его формальности или неформальности, но не вежливости или невежливости, которые являются категориями прагматики и могут рассматриваться только в контексте.

Данные выводы были сделаны на основе наблюдений, а также обобщения результатов ранее проведенных исследований. Для их детализации требуется продолжение исследований рассматриваемых категорий в различных социальных и культурных контекстах.

БЛАГОДАРНОСТЬ И ФИНАНСИРОВАНИЕ

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Я благодарю свою дочь Марию и студентов РУДН, которые подарили мне интересные примеры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ALBA-JUEZ, L. (2007). On the impoliteness of some politeness strategies: A study and comparison of some pragmatic markers of impoliteness in British English, American English, Peninsular Spanish and Argentinean Spanish. *Studies in Intercultural, Cognitive and Social Pragmatics*, 37-56.
- ALBA-JUEZ, L., LARINA, T. (2018). Language and emotion: Discourse-pragmatic perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9-38.
- BARGIELA-CHIAPPINI, F., KÁDAR, D. (eds.) (2011). *Politeness across cultures*. Palgrave Macmillan. Basingstoke.
- BOUSFIELD, D. (2008). *Impoliteness in Interaction*. Amsterdam. John Benjamins Publ.
- BOUSFIELD, D., LOCHER, M. A. (2008). *Impoliteness in Language: Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice*. Berlin: Mouton de Gruyter.

- BROWN, P., LEVINSON, S. D (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge. Cambridge University Press.
- CULPEPER, J. (2011). *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- EELLEN, G. (2001). *A Critique of Politeness Theories*. St Jerome Publishing. Manchester.
- EGGINS, S., SLADE D. (1997). *Analyzing casual conversation*. Cassel. London, Washington.
- HAUGH, M. (2007). Emic conceptualizations of (im)politeness and face in Japanese: Implications for the discursive negotiation of second language learner identities. *Journal of Pragmatics*, 39, 657-680.
- KASPER, G. (1990). Linguistic politeness: Current research issues. *Journal of Pragmatics*, 14 (2), 193-218.
- KAUL DE MARLANGEON, S., ALBA-JUEZ, L. (2012). A typology of verbal impoliteness behavior for the English and Spanish Cultures. *Revista Española de Lingüística Aplicada*, 25, 69-92.
- KIENPOINTNER, M. (1997). Varieties of rudeness. *Functions of Language*, 4 (2), 251-287.
- LARINA, T. (2015). Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7(5), 195–215.
- LEECH, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London and New York: Longman.
- LEECH, G. (2007). Politeness: Is there an East-West divide? *Journal of Politeness Research*, 3, 167-206.
- LEECH, G. (2014). *The Pragmatics of Politeness*. Oxford / New York: Oxford University Press.
- LOCHER, M. (2004). *Power and politeness in action; disagreement in oral communication*. Berlin: Mouton and Gruyter.
- LOCHER, M., LARINA T. (2019). Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (4), 873-903.
- MILLS, S. (2003). *Gender and politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- SIFIANOU, M. (1992). *Politeness Phenomena in England and Greece*. Clarendon. Oxford.
- WATTS, R. (2003). *Politeness*. Cambridge: CUP.
- АЛПАТОВ, В. М. (2011). *Категории вежливости в современном японском языке*. Изд. 4-е. Москва: УРС.
- БОРИСОВА, Е. Г. (2018). Прагматические категории дружелюбного общения (вежливость, приемлемость, уместность). *Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации*. Под ред. И. А. Шаронова. Москва: Политическая энциклопедия, 33-37.
- ЖЕЛЬВИС, В. И. (2001). *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира*. Изд. 2-е. Москва: Ладомир.
- ЖЕЛЬВИС, В. И. (2014). Лингвокультурологический анализ дихотомии «прилично – неприлично» в англоязычных и русской культурах. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Russian Journal of Linguistics*. 4, 101-118.

- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (1997). Категория вежливости: общие вопросы — национально-культурная специфика русского языка. *Zeitschrift für slavische Philologie. Band LVI, 2*, 271-301.
- КИБРИК, А. А. (2009). Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания, 2*, 3-21.
- КРЫСИН, Л. П. (2004). *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. Москва: Языки славянских культур.
- ЛАРИНА, Т. В. (2004). Неформальность как одна из доминантных черт английской коммуникативной культуры. *Язык. Речь. Речевая деятельность*. Вып. 6. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 65-76.
- ЛАРИНА, Т. В. (2006). Снижение формальности в общении как одна из современных тенденций в коммуникации. *Изменения в языке и коммуникации: XXI век*. Под ред. М. А. Кронгауза. Москва: РГГУ, 193-208.
- ЛАРИНА, Т. В. (2007). Этностилистика в ее коммуникативном аспекте. *Известия РАН. Серия литературы и языка, 66 (3)*, 3-17.
- ЛАРИНА, Т. В. (2009). *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. Москва: Языки славянских культур.
- ЛАРИНА, Т. В. (2013). Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения. *Cuadernos de Rusística Española, 9*, 193-204.
- ЛАРИНА, Т. В. (2018). Вежливость, невежливость и грубость в межкультурном аспекте”, *Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации*. Под ред. И. А. Шаронова. Москва: Политическая энциклопедия, 133-144.
- ЛАРИНА, Т. В. (2019). Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в жанре английской и русской анонимной рецензии. *Вопросы психолингвистики. 1 (39)*, 38-57.
- ЛАРИНА, Т. В., ОЗЮМЕНКО, В. И., ГОРНОСТАЕВА, А. А. (2012). Сквернословие в речи носителей английского языка: функционально-прагматический аспект». *Вопросы психолингвистики, 16 (2)*, 30-39.
- ЛАРИНА, Т. В., ХАРЛОВА, М. Л. (2015). Невежливость и грубость в межличностном общении американцев. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация, 13 (3)*, 34-42.
- РАТМАЙР, Р. (2003). Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- СИРОТИНИНА, О. Б. (2003). Разговорный стиль. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Под ред. М. Н. Кожухова. Москва: Флинта: Наука, 319-321.
- ХАРЛОВА, М. Л. (2014). Концептуализация невежливости в английском и русском языках. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Russian Journal of Linguistics, 4*, 119-131.
- ЮРЬЕВА, Ю. Б. (2020). Формальность/неформальность как черта этнокультурного стиля коммуникации (на материале английского и русского языков). Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.

REFERENCES

- ALBA-JUEZ, L. (2007). On the impoliteness of some politeness strategies: A study and comparison of some pragmatic markers of impoliteness in British and American English, Peninsular Spanish and Argentinian Spanish. *Studies in Intercultural, Cognitive and Social Pragmatics*, 37-56.
- ALBA-JUEZ, L., LARINA, T. (2018). Language and emotion: Discourse-pragmatic perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9-38.
- ALPATOV, V.M. (2011). *Categories of Politeness in Modern Japanese*. 4th edz. URS. Moscow.
- BARGIELA-CHIAPPINI, F., KÁDÁR, D. (eds.) (2011). *Politeness across cultures*. Palgrave Macmillan. Basingstoke.
- BORISOVA, E.G. (2018): Pragmatic categories of friendly communication (politeness, acceptability, appropriateness). In *Politeness and anti-politeness in language and communication*. Moscow: Political encyclopedia, 33-37.
- BOUSFIELD, D. (2008). *Impoliteness in Interaction*. Amsterdam. John Benjamins Publ.
- BOUSFIELD, D., LOCHER, M. A. (2008). *Impoliteness in Language: Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- BROWN, P., LEVINSON, S. D. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge. Cambridge University Press.
- CULPEPER, J. (2011). *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- EELLEN, G. (2001). *A Critique of Politeness Theories*. St Jerome Publishing. Manchester.
- EGGINS, S., SLADE D. (1997). *Analyzing casual conversation*. Cassel. London, Washington.
- HAUGH, M. (2007). Emic conceptualizations of (im)politeness and face in Japanese: Implications for the discursive negotiation of second language learner identities. *Journal of Pragmatics*, 39, 657-680.
- KASPER, G. (1990). Linguistic politeness: Current research issues. *Journal of Pragmatics*, 14 (2), 193-218.
- KAUL DE MARLANGEON, S., ALBA-JUEZ, L. (2012). A typology of verbal impoliteness behavior for the English and Spanish Cultures. *Revista Española de Lingüística Aplicada*, 25, 69-92.
- KHARLOVA, M. L. (2014). Conceptualization of impoliteness in English and Russian. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 119-131.
- KIBRIK, A. A. (2009). Mode, genre and other parameters of the classification of discourses. *Voprosy yazykoznanimya*, 2, 3-21.
- KIENPOINTNER, M. (1997). Varieties of rudeness. *Functions of Language*, 4 (2), 251-287.
- KRYSIN, L. P. (2004). *Russkoye slovo, svoye i chuzhoye: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike*. Moscow: Languages of Slavic cultures.
- LARINA, T. V. (2004): Informality as a dominant feature of the English communicative culture. In *Language. Speech. Speech activity*, 6: Nizhny Novgorod: Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, 65-76. (In Russ.)
- LARINA, T. (2006). Snizheniye formal'nosti v obshchenii kak odna iz sovremennykh tendentsiy v kommunikatsii. In M. A. Krongauz (ed.). *Changes in language and communication: XXI century*. Moscow: RGGU, 193-208.

- LARINA, T. V. (2007). Etnostilistika v yeye kommunikativnom aspekte. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in Literature and Language*, 66 (3), 3–17.
- LARINA, T. V. (2009). Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavleniye angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- LARINA, T. V. (2013). Communicative ethnic style as a way of systematizing ethnocultural characteristics of behavior, *Cuadernos de Rusística Española*, 9, 193-204.
- LARINA, T. (2015). Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7(5), 195-215.
- LARINA, T. V. (2018). Politeness, impoliteness and rudeness from the perspective of intercultural communication. In *Politeness and anti-politeness in language and communication*. Moscow: Political Encyclopedia, 133-144.
- LARINA, T. V. (2019). Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review. *Journal of Psycholinguistics*, 1, (39), 38-57.
- LARINA, T. V. OZYUMENKO V. I. GORNOSTAEVA A. A. (2012). Swear words in English communication: Meaning and functions. *Journal of Psycholinguistics*, 2 (16), 30-39.
- LARINA, T. V., KHARLOVA, M. L. (2015). Impoliteness and rudeness in the interpersonal communication of Americans. *Bulletin of Novosibirsk State University. Linguistics and Intercultural Communication Series*, 13 (3), 34-42.
- LEECH, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London and New York: Longman.
- LEECH, G. (2007). Politeness: Is there an East-West divide? *Journal of Politeness Research*, 3, 167-206.
- LEECH, G. (2014). *The Pragmatics of Politeness*. Oxford / New York: Oxford University Press.
- LOCHER, M. (2004). *Power and politeness in action; disagreement in oral communication*. Berlin: Mouton and Gruyter.
- LOCHER, M., LARINA T. (2019). Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (4), 873-903.
- MILLS, S. (2003). *Gender and politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- SIFIANOU, M. (1992). *Politeness Phenomena in England and Greece*. Clarendon. Oxford.
- RATHMAYR, R. (2003). *Pragmatika izvineniya. Sravnitel'noye issledovaniye na materiale russkogo yazyka i russkoy kul'tury*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur [Rathmayr, Renate. 1996. Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichende Untersuchung am Beispiel der Russischen Sprache und Kultur. Ko"ln: Bo"hlau Verlag]
- SIROTININA, O. B. (2003). Conversational style. *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language*. M. N. Kozhukhova (ed). Moscow: Flinta: Nauka, 319-321.
- WATTS, R. (2003). *Politeness*. Cambridge: CUP
- YURYEVA, J. B. (2020). Formality/informality as a feature of communicative ethno-style (on the material of English and Russian languages). PhD thesis.
- ZEMSKAYA, E. A. (1997). Category of politeness: general issues - the national and cultural specifics of the Russian language. *Zeitschrift für slavische Philologie*. Band LVI, 2, 271-301.
- ZHELVIS, V. I. (2001). *Pole brani. Skvernosloviye kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira*. 2nd edz. Moscow: Ladomir.
- ZHELVIS, V. I. (2014). Linguocultural analysis of the dichotomy "decent-indecant "in English and Russian cultures. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 101-118.